

вается воздействие процессов медиализации как на пациентов, так и на представителей медицинского сообщества, при этом отмечают некоторые профессиональные деформации последних.

В целом рецензируемая монография Л.М. Медведевой рассматривает болезнь комплексно как социально-культурный феномен, что, на наш взгляд, позволяет создать максимально многостороннюю картину болезни и благодаря этому внести вклад в практическую медицину.

Монография гармонично сбалансирована по подаче материала, производит впечатление законченного исследования. Автор применила оригинальный метод использования иллюстративного материала в качестве вставок в основной текст, что делает его занимательным, не влияя на значимость выводов. Книга будет полезна как специалистам-гуманитариям, так и практикующим врачам, а также всем, интересующимся проблемами здоровья и болезни.

В.И. СУПРУН
(Волгоград)

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДАРГИНСКОЙ ТОПОНИМИИ (РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М.Р. БАГОМЕДОВА «ТОПОНИМИЯ ДАРГА: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ» (Махачкала: Изд-во ДагГУ, 2013. 347 с.))

Российская топонимия включает в себя названия географических объектов всех регионов страны, которых ныне, после присоединения Крыма, стало 85. Важно также учитывать, что некоторые субъекты РФ имеют многонациональный состав, что увеличивает их топонимикон, делает его полилингвальным и более сложным с точки зрения этимологии наименований и их реального функционирования в коммуникации. Самым многоязычным субъектом России является Республика Дагестан, государственными языками которой в конституции региона, помимо русского, признаны языки народов Дагестана, но без указания, какие именно. Их всего более трех десятков, однако еще в советское время было установле-

но, что в Дагестане 14 титульных наций. На гербе республики изображен орел с 14 перьями, по семь на каждом крыле, они символизируют эти народы. К ним относятся аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы, табасараны, чеченцы-аккинцы, агулы, рутульцы, цахуры (нахско-дагестанская языковая семья), кумыки, азербайджанцы, ногайцы (тюркская группа алтайской языковой семьи), русские (славянская группа индоевропейской языковой семьи), таты (иранская группа индоевропейской языковой семьи). Каждый из этих народов (а также 18 остальных) вносит свой вклад в топонимию Дагестана, делая ее уникальной, но одновременно и сложной для анализа.

Известный дагестанский ономастолог М.Р. Багомедов (его первые статьи по проблемам топонимики появились еще в начале 1990-х гг.) в своей монографии обратился к вопросам происхождения и функционирования даргинских топонимов. Даргинцы в настоящее время насчитывают около полумиллиона человек, они составляют 17% населения республики, занимая второе место по численности среди дагестанских титульных народов. Около 100 тыс. даргинцев проживают за пределами Дагестана, в основном в прилегающих к республике регионах России (половина из них в Ставропольском крае), а также в Киргизии, Турции, Сирии.

Даргинцы в основном проживают в сельской местности (около 68%), территория их традиционного расселения – горные и предгорные регионы среднего Дагестана. В Акушинском, Дахадаевском, Кайтагском, Левашинском и Сергокалинском районах даргинцы составляют от 75 до 100% населения. Исследователь называет эти территории хоронимом *Дарга* (с. 5) (автор почему-то не склоняет этот хороним, оставим и мы его в таком, несколько странном для русской морфологии виде). Кроме того, даргинцы составляют 65% населения города Избербаша (всего в нем проживает более 56 тыс. чел.). Известным своими златокузнецами является посёлок городского типа Кубачи в Дахадаевском районе, где проживает 3053 чел. (2014 г.) [3], жители которого *кубачинцы* переписью 1926 г. были выделены как самостоятельный народ [5, с. 212], ныне же они отмечаются как субэтнос даргинцев.

Книга М.Р. Багомедова начинается теоретической главой, в которой рассматриваются место ономастики в системе гуманитарных

наук, история, современное состояние и перспективы исследований в дагестанском языкознании, ономастика Дагестана в образовательном процессе, а также дается общая характеристика рассматриваемого региона.

Во второй главе анализируется структура топонимических единиц даргинского языка. Исследователь обращается к структурно-системному направлению в топонимических исследованиях, он обосновывает свою позицию выбора для анализа топонимии в основном меусишинского говора даргинского языка, что позволяет увидеть «общее, что свойственно топонимии Дарга в целом, и обнаружить особенности функционирования этого пласта лексики в условиях диалекта, который, в свою очередь, существует не изолированно от других форм национального языка» (с. 66).

Подробно рассматриваются структурные модели топонимических единиц даргинского языка. Ономатолог обращает внимание на тот факт, что в микротопонимии исследуемого говора, как и среди микротопонимов других населенных пунктов Дарга, большинство составляют сложные единицы: 88,4% в меусишинском говоре, 95,9% – в усишинском т.д. (с. 77). Думается, что эта закономерность характерна не только для даргинской микротопонимии: для того чтобы точно обозначить координаты места, носитель языка неизбежно прибегает к описательным конструкциям, поэтому названия типа *Поляна у родника, Дерево на пашне, Дорога, идущая к реке* будут встречаться в самых разных языках и этнокультурах, различаясь лишь входящими в состав этих единиц антропонимами и топонимами. Разумеется, географические условия проживания народа внесут в данную модель коррективы: микротопоним *Киккидай кайчиб шурмела бахI* ‘Вершина, откуда упал Кикидай’ (с. 77) или *Ябни тяхI духъун лис* ‘Скала, откуда спрыгнули лошади’ (с. 174) может появиться только в гористой местности. Об этом убедительно пишет автор при анализе местных географических терминов: для жителей с. Меусиша «реалия “гора” не представляется такой уж однообразной», в диалекте употребляются слова *дубура* ‘гора’, *бахI* ‘вершина’, *муза* ‘возвышенность’, *хъар* ‘верх, вершина’, *къакъ* ‘бугор’, *ттал* ‘холм’ и др. (с. 129).

Для дагестанских языков характерным является образование названий населенных пунктов от архаичных форм местных падежей,

причем прежняя исходная форма перестает употребляться. Автор, ссылаясь на исследования М.-С.М. Мусаева, замечает, что в настоящее время форма старого латива на *-ли* при необходимости употребляется и в значении абсолютива (с. 83). Здесь уместно вспомнить, что винительный и местный падежи являются главными для топонимов, которые предназначены, прежде всего, для указания направления движения и местонахождения объекта. В художественных текстах мы обнаруживаем ойконимы в основном в этих падежах [6, с. 33]. На базе этих падежей возникли русские топонимы типа *Заречка*, из греческого падежно-предложного словосочетания *εις τήν Πόλιν* ‘в Город (Константинополь)’ возник ойконим *Istanbul / Стамбул* [8, с. 744].

Рассматривая композитные топонимы, М.Р. Багомедов выявляет, что в даргинской топонимии преобладают над другими типами географические названия с генетивным определением (с. 91), а также широко представлена модель «существительное в местном падеже с суффиксом прилагательного *-ил / -тти*» (с. 92). Имя прилагательное в составе топонима выступает в качестве атрибутивного определения со значением размера, формы, местонахождения, цвета, качества и пр. (с. 93). В монографии проанализированы трех-, четырех- и пятисловные топонимы.

Большой интерес представляет параграф «Географические термины в топонимии Дарга». В книге приводится разветвленная система терминов, используемых в составе топонимов. В приложении дан словарь этих терминов, в котором наглядно представлены различия между разными диалектами даргинского языка. Так, в даргинском литературном языке и большинстве говоров (с фонетическими вариантами) для обозначения реки используется лексема *хIеркI*, а в с. Ашты–экIв (с. 336); мельница большинством даргинцев называется *шинкъа*, а в с. Маджалис, Санжи, Чираг (с. 339), Джирабчи, Джинаби, Шугарат (с. 343) – *урхаб / урхав*; для обозначения поляны используются слова *майдан*, *чIянкI*, *авлакъ / авлахъ / авлагъ*, *диркъ / диркъа* (с. 336–344) и *гIевне* (с. 218) и т.п. Приложение вносит серьезный вклад в даргинскую диалектологию.

Обращают на себя внимание метафорические наименования мест, свидетельствующие о поэтической природе их возникновения, о народной лингвокреативности: *Мела хъали* (миь-

лихь) 'Дом льда (ледник)' (с. 120), *Ше хъали* 'Дом воды' (с. 121), *Цикури къватI* 'Квартал-невеста' (т.е. новый) (с. 142), *Хулбала гъин* 'Глазная вода (от сглаза)' (с. 168) и др.

Третья глава посвящена анализу семантики топонимических единиц даргинского языка. Исследователь определяет, что большая часть топонимов Дарга ясна и прозрачна семантически и структурно (с. 134). Типы семантической микросистемы в даргинской топонимии соответствуют универсальным, проявляются во многих языках: *большой – маленький, верхний – нижний, старый – новый* и др. (с. 139–142). Специфика даргинского лингвосознания проявляется в уникальном противопоставлении *этой – той*: *Ишил Къябалиула* 'Эта нижняя часть Кабы' – *Итил Къябалиула* 'Та нижняя часть Кабы' (с. 140), указательные местоимения могут входить в состав топонима и без противопоставления *Итил хъаб* 'Тот перевал' (с. 142). Национально- и локально-специфичны устойчивые сравнения, содержащие топоним или космоним: *дила Бац-Берхи* 'моя Луна-Солнце', *дила Шалда* 'моя Венера (утренняя звезда)', *дила Жанай гъиници* 'мой родник Жанай (в котором вода чиста и приятна на вкус)', *Хурицима дубурагуна* 'как гора Хурцима (красивая и изысканная)' (с. 144–145). Интересны с точки зрения этнолингвистики топонимические легенды и оценочные названия парадрастического характера: *Унц бедили дирихь асиб ши* 'Село, которое, отдав быка, купило туман' – Трисанчи; *ДяхI цуба исбагъибала ши* 'Село белолицых красавиц' – Губден (с. 271).

Семантическая классификация топонимов позволяет выделить группы единиц, отражающих рельеф (естественно, преимущественно горный), водные объекты, флору, фауну, хозяйственную деятельность человека (названия пашен, выкорчевок, мельниц, покосов, загонов для скота, пастбищ, садов, канав, сезонных поселений, дорог, мостов), религиозные представления, этнонимы. Материал показывает, что генетивные и атрибутивные конструкции в даргинской топонимии сосуществуют, что нуждается в комментировании: *Махъла бурхИла* 'Березовая солнечная сторона' и *Махъла къатти* 'Ущелье берез' (с. 170–171), *Ккурттала гъями* 'Лисье отверстие' и *Ккурттала гъямри* 'Отверстия лис' (с. 172–173). Ономатолог справедливо подчеркивает необходимость соблюдать осторожность с выводами о причинах отэтнонимных названий: даргинец Расул работал в Афганистане, за что был прозван афганцем, поэтому его мельница по-

лучила название *Абгъан Расво шилкъан* 'Мельница афганца Расула' (с. 212). Подобное явление широко представлено и в русской топонимии. Название *Къурбан лухан ссана* 'Южный склон, где режут скот для жертвоприношения на Курбан-Байрам' (с. 196) позволяет нам утвердиться в этимологии гидронима *Аксай Курмоярский*, отражающей эту же традицию [4, с. 42].

Рассматривая заимствованную лексику в топонимии Дарга, М.Р. Багомедов выделяет арабизмы, пришедшие в результате исламизации населения (с. 222–223), тюркизмы, отражающие экономические отношения (с. 223–224), иранизмы (с. 224) и русизмы, появившиеся в новое время (с. 224–227). Под влиянием русского языка происходит вытеснение старинных даргинских топонимов и этнонимов: вместо *Къабкъаз – Кавказ*, вместо *Къирим – Кирым*, вместо *гурджи – гурузин* и пр. (с. 227).

В четвертой главе рассмотрены ойконимы Дарга. Выделяются следующие формы названий населенных пунктов: официальное русское название; название на языках народов Дагестана в трех видах: 1) в письменных источниках на литературном языке; 2) в устной речи; 3) в речи жителей некоторых населенных пунктов (с. 230). Например, в речи старшего поколения дагестанцев и жителей некоторых селений Левашинского и Акушинского районов употребляются исторические названия Махачкалы – *Гъяджи*, Буйнакса – *Шура* или *Темир-Хан-Шура*, даргинское село Ленинкент в народе именуется *Шамшагъяр*.

Подробно рассматриваются топонимические форманты *-ши / -ша* и *-махъи / -маши*, которые соотносятся с понятиями 'село' и 'хутор'. В топонимах встречаются также форманты из других языков Дагестана: аварские *-росу* и *-коло*, лакские-*щар*, *-щяравалу* и *-маши*, лезгинские *-хуър*, *-кент*, *-къеле* (с. 237–238). Некоторые даргинские топонимы образованы от антропонимов, обычно от имен первопоселенцев (с. 241). О временах социализма напоминают названия *Октябрьский*, *Первомайское*, *Советское*, *Красноармейское* и пр. (с. 243).

Автор приводит многочисленные легенды и этимологические версии о происхождении даргинских топонимов. Так, он опирается на точку зрения А.Г. Гусейнова о происхождении названия *Кубачи*, который считает, что этот топоним турецкого происхожде-

ния, он возник в XVI в. как перевод персидского названия *Зирехиран*, которое обозначало ‘кольчугоделатель’ (с. 260). Рассматривая разные версии топонимической этимологии, М.Р. Багомедов всегда четко обозначает свои взгляды: он, например, приводит три этимологии названия с. Танты (от антропонима, от слова *тГентI* ‘муха’ и от *тIалтIу* ‘узкая терраса’) и указывает, что придерживается третьей точки зрения (с. 267).

В пятой главе рассматриваются онимы в даргинской художественной литературе и фольклоре. Проанализированы творчество писателя Р.М. Багомедова и рукопись очерка-эссе Мухаммадшапигаджи Меусишинского «Шейх Мухаммад из Мега» (XIX в.). Подтверждается центральная текстовая роль личных имен [7, с. 119]: из 126 онимов цикла «Годеканские рассказы» Р.М. Багомедова 115 являются антропонимами (с. 274). Исследователь считает, что при изучении топонимии Дагестана, исторических судеб проживающих здесь народов необходимо обращаться к топонимическим легендам и преданиям (с. 278). Так, в названиях *Сигъла дурегIи* ‘Ток предсмертного вдоха’, *Хе дурегIела* ‘Кровавый ток’, *Мизла дурези* ‘Святой ток’ отражены события XVIII в.: зверская расправа персидского завоевателя Надир-шаха над населением Дагестана, которая проводилась на гумнах, токах – местах для обмолота зерна (с. 281). И более поздние события находят оформление в топонимах. 24 августа 1919 г. деникинский отряд под командованием полковника Лаврова был уничтожен краснопартизанскими частями, некоторые деникинцы (видимо, казаки) были сброшены со скал. С тех пор микротопоним *ЧяIила шурми* ‘Скалы водопада’ был заменен на *Къзакъуни убяхIбушиб шурми* ‘Скалы, откуда были сброшены казаки’ (с. 282).

В заключение автор подводит итоги своего исследования, отмечает, что в результате переселения горцев в равнинную часть Дагестана на грани исчезновения находятся незафиксированные микротопонимы. «Вероятность безвозвратной потери ценнейшего ономастического материала с каждым днём растёт» (с. 289). Определяя, что происходит изменение структурной базы даргинской топонимической системы, нарастает продуктивность составной структуры топонимов и т.п., М.Р. Багомедов не считает это асистемным сдвигом: возникшее соотношение топонимических структур отражает внутреннее развитие си-

стемы и отвечает целям ее функционирования (с. 292). Современная система даргинских топонимов имеет четкую стратификацию, периодам продуктивности основных топонимических элементов соответствуют определенные этапы общественного развития даргинцев и эволюции их языка.

Библиография исследования содержит 378 позиций, в нее включены практически все книги, статьи, заметки об истории и современном состоянии дагестанской топонимии. Список источников фактического материала содержит 43 наименования, которые нашли свое отражение в тексте монографии.

Книга написана прекрасным русским языком, используемая терминология адекватна современным тенденциям развития отечественной и мировой ономастики. Иногда ощущается, что монография предназначена для дагестанского читателя, которому понятны многие упоминаемые в ней реалии; читатели же из других регионов должны обращаться к дополнительным источникам, чтобы выяснить значения слов *юл* (с. 163), *кутан* (с. 189 и др.), *зиярат* (с. 204, 284), *мавлад* (с. 208) и др. Слово *годекан* отмечено на многих страницах книги (с. 85, 124, 127 и др.), но его дефиниция дается только на с. 270: ‘место встречи и отдыха горцев в свободное время’. Некоторые образования неудачны с точки зрения морфологии и деривации: *осповый* (с. 135), *сеямая свеклой* (с. 171). Автор использует ойконимический термин *отсёлок* (с. 228, 234), у которого в словарях стоит помета *нар.-разг.* [2, с. 761]; обычно используется слово *выселок* ‘небольшой поселок в новом месте, выделенный из другого селения’ [Там же, с. 182]. Порой отмечается не вполне удачный перевод толкования топонимической семантики: *прилетев пришедшая стела* (с. 205).

В январе 2013 г. М.Р. Багомедов на заседании совета Дагестанского государственного педагогического университета успешно защитил диссертацию «Топонимия Дарга: структурно-семантический аспект», основное содержание которой вошло в рецензируемую монографию. В перспективах своего исследования автор справедливо отмечал, что его результаты могут послужить основой для обобщения итогов изучения топонимической лексики других языков народов Дагестана и Кавказа [1, с. 8]. Думается, что нас ждут новые этнолингвистические открытия талантливого дагестанского ученого.

Литература

1. Багомедов М.Р. Топонимия Дарга: структурно-семантический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 2013.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998.
3. Демографическая карта России: на основе переписи населения 2010 года // Regnum : информ. а-во. URL : <http://www.regnum.ru/news/polit/1550768.html#ixzz20YjijO4I>.
4. Крюкова И.В., Супрун В.И. Реки и водоемы Волгоградской области: гидронимический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград : Изд-во ВГАПК РО, 2009.
5. Народы России: энциклопедия / гл. ред. В.А. Тишков. М. : Большая рос. энцикл., 1994.
6. Супрун В.И. Ономастическая синтагматика и парадигматика художественного текста (на материале рассказа В.М. Шукшина «Даешь сердце!») // Шукшинские чтения : материалы науч. конф., посвящ. памяти В.М. Шукшина. Волгоград : Перемена, 1998. С. 31–36.
7. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : моногр. Волгоград : Перемена, 2000.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва ; под ред. Б.А. Ларина. 2-е изд., стереотип. М. : Прогресс, 1987. Т. 3.

* * *

1. Bagomedov M.R. Toponimiya Darga: strukturno-semanticheskiy aspekt : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Mahachkala, 2013.
2. Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyika / gl. red. S.A. Kuznetsov. SPb. : Norint, 1998.
3. Demograficheskaya karta Rossii: na osnove perepisi naseleniya 2010 goda // Regnum : inform. a-vo. URL : <http://www.regnum.ru/news/polit/1550768.html#ixzz20YjijO4I>.
4. Kryukova I.V., Suprun V.I. Reki i vodoemy Volgogradskoy oblasti: gidronimicheskiy slovar. 2-e izd., pererab. i dop. Volgograd : Izd-vo VGAPK RO, 2009.
5. Narodyi Rossii: entsiklopediya / gl. red. V.A. Tishkov. M. : Bolshaya ros. entsikl., 1994.
6. Suprun V.I. Onomasticheskaya sintagmatika i paradigmatica hudozhestvennogo teksta (na materiale rasskaza V.M. Shukshina «Daesh serdtse!») // Shukshinskie chteniya : materialy nauch. konf., posvyasch. pamyati V.M. Shukshina. Volgograd : Peremena, 1998. S. 31–36.
7. Suprun V.I. Onomasticheskoe pole russkogo yazyika i ego hudozhestvenno-esteticheskiy potentsial : monogr. Volgograd : Peremena, 2000.
8. Fasmer M. Etimologicheskii slovar russkogo yazyika : v 4 t. / per. s nem. i dop. O.N. TrubachYova ; pod red. B.A. Larina. 2-e izd., stereotip. M. : Progress, 1987. T. 3.

О.В. ВРУБЛЕВСКАЯ
(Волгоград)

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ОБЩЕЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ
ОНОМАСТИКИ (ЗАМЕТКИ
О КОНФЕРЕНЦИИ)**

22–25 мая 2014 г. в Адыгейском государственном университете (АГУ) (г. Майкоп) Координационный центр по изучению региональной ономастики Северного Кавказа при филологическом факультете и лаборатория региональной ономастики научно-исследовательского института комплексных проблем провели IX Международную научную конференцию «Проблемы общей и региональной ономастики».

В этом году конференция была посвящена памяти Александры Васильевны Суперанской (1929–2013), всемирно известного ономастолога, классика советской и российской ономастики, ученицы А.А. Реформатского и С.И. Ожегова, автора нескольких десятков монографий и словарей, сотен статей в научных и популярных изданиях и, как отмечает одна из ее учениц, Наталья Владимировна Васильева, просто символической фигуры ономастики. «Ушла из жизни главная по именам» [2] – это определение свидетельствует о признании неутомимой деятельности А.В. Суперанской по ономастическому просвещению населения России и других стран и достойно встает в ряд ее ученых званий и титулов: доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, член топонимической комиссии Московского городского отделения Русского географического общества, член Международного ономастического комитета (ICOS), Ономастической и терминологической комиссий Международного комитета славистов, Российского терминологического общества «РосТерм», Орфографической комиссии Российской академии наук, Городской межведомственной комиссии по наименованию территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы [1]. В ходе конференции обсуждались актуальные проблемы ономастической теории, инновационные технологии и методы исследования, способствующие выявлению и систематизации онимов, внедрению результатов в социокультурное и образовательное пространство.